

this religious guidance. Understanding changes in the institution of marja' (religious mentoring) may enhance the diplomatic capacities of Russia in the Middle East, where Shi'a population is dominated or significantly presents, and, in general, enhance the effectiveness of Russian policy in this area.

Keywords: Shi'ism, religious mentoring, Iran, believers, clergy

УДК 94(57):322+323/324

ВОЛКОВ Иван Васильевич – кандидат политических наук, ученый секретарь Общества изучения истории отечественных спецслужб (Россия, г. Москва; ivolga54@gmail.com)

ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНСКАЯ ШКОЛА В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ (1867–1881 гг.)

Аннотация. Статья посвящена проблемам отношения царской власти к традиционной мусульманской школе в Русском Туркестане в период генерал-губернаторства К.П. Кауфмана. Автор отмечает, что Кауфман не препятствовал деятельности школ, но старался привлекать молодое поколение «туземцев» региона к российским формам образования. Процесс был медленным, сложным, но не безнадежным.

Ключевые слова: Средняя Азия, генерал-губернатор Кауфман, Русский Туркестан, традиционная мусульманская школа, военно-народное управление

После распада СССР в молодых суверенных и независимых государствах среди историков быстро стали проявляться националистические настроения, выразившиеся в порицании «российского колониализма», в понятие которого включается даже советский период. Современный узбекский ученый А. Эркинов пишет по этому поводу: «История, похоже, мало кого учит. По горькой иронии, люди, прежде писавшие о колониальном периоде в соответствии с советской идеологической установкой, ныне, нимало не смущаясь, сменили “положительные оценки” на прямо противоположные» [Эркинов 2003: 113]. Националистические интерпретации прошлого проявились на постсоветском пространстве практически повсеместно – в бывших советских союзных республиках Прибалтики, в Молдавии, Украине, Грузии, Азербайджане и др. Исключение составили, пожалуй, лишь историки Белоруссии.

Естественно, что историки-националисты из стран так называемой Центральной Азии (Средней Азии и Казахстана) активно включились в борьбу с «российским колониализмом», причем нередко при поддержке официальных властей. Среди обвинений в адрес России большую популярность приобрел тезис о «русификации». Его толковали обширно, но чаще всего он сводился к проблемам отношения «колонизаторов» к национальным языкам, культуре и школам. Современный казахский историк А. Абдакимов делает вывод, что после присоединения Казахстана к России российские власти сделали все возможное, чтобы духовно «поработить» казахов через «русификацию», насаждение русского языка и русских школ, кириллицы и т.п. [Абдакимов 1994: 67].

Директор женского медресе в Узбекистане Маликахон Нормухамедова пишет о том, что царское «правительство Туркестана уделяло важное место культуре и образовательной политике, используя их как средство порабощения народа. Система школ, созданная царской администрацией, служила орудием колониальной политики. Ей противостояла многовековая система исламского воспитания детей и взрослых, возглавляемая духовенством... Царское правительство всячески тормозило развитие национальных культур народов Средней Азии и

поэтому боролось против использования в школе родного языка, навязывая коренному населению Туркестана общеобразовательную школу исключительно на русском языке. Антимусульманская направленность новых школ проявлялась в том, что мусульманская религия в них не преподавалась» [Нормухамедова 2008].

Можно привести еще немало мнений такого рода. Но все они принадлежат к ряду откровенных фальсификаций. Против них выступают даже западные исследователи. Зарубежные историки А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькаже пишут о том, что «коранические школы самого консервативного типа *поощрялись русскими властями и оберегались от модернистского влияния* (курсив наш. — И.В.)» [Bennigsen, Lemercier-Quellejeau 1967: 15]. Американский исследователь Е. Сокол указывает на то, что в царском Туркестане «*отсутствие правительственного контроля над туземными религиозными школами*» (курсив наш. — И.В.) обусловило рост антирусских настроений среди молодежи» [Sokol 1954: 178]. И таких мнений мы могли бы привести немало, тем более что они близки к истине.

Действительно, нет ни одного официального документа времен царизма в Русском Туркестане, который запрещал бы мусульманскому населению региона иметь свои традиционные (религиозные) народные школы — мектебы. Известный российский туркестановед профессор П.П. Литвинов указывает, что «мектебов в предреволюционный период в Туркестанском крае насчитывалось свыше 7 тыс., что составляло 2/3 от всех учебных заведений такого типа в Российской империи» [Литвинов 1998: 113]. Они функционировали при мечетях, и преподавали в них муллы. Власть никоим образом не препятствовала их деятельности. Даже в тех случаях, когда в школах муллы нагнетали антирусские настроения, она ограничивалась строгими внушениями, но не закрытием учебных заведений.

Туркестанский генерал-губернатор генерал от кавалерии А.В. Самсонов писал, что в мусульманских школах «фанатики муллы внушают умышленно им [учащимся] ложное представление о наших государственных началах, ненависть к русской власти и русскому народу, вселяя нелепые идеи о будущем великом мусульманском государстве»¹. Таким образом, уже в то время были предшественники нынешних проповедников из ИГИЛ, Шибхат-ан-нусры, Аль-Каиды (запрещены в России). Но мы усматриваем главное в том, что, несмотря на все вышеприведенное, русские власти в Туркестане не арестовывали таких мулл и не закрывали мектебы. Поборникам тезиса «русификации» следовало бы честно признаться в том, какой была мусульманская школа до и после присоединения Средней Азии к России, т.е. что представляла собой «многовековая система исламского воспитания детей и взрослых, возглавляемая духовенством», о которой «с чувством» пишет Маликахон Нормухамедова. То, что ее критиковали русские люди, может расцениваться ею и прочими апологетами мусульманской религиозной школы в Средней Азии как нечто тенденциозное. Однако ее разносили в пух и прах сами мусульмане — приверженцы «новометодного» образования в исламе.

22 июня 1906 г. мусульманская газета «Таракки» писала: «Муллы, которые претендуют на звание наследников пророка, увидя мусульман в невежестве, тяжелом положении, боясь за свои личные выгоды, не исполняют возложенных на них обязанностей по шариату. Есть люди, которые стараются разбудить мусульман и пригласить их к наукам, но со стороны наших мулл, приносящих всеобщую пользу в жертву своим личным выгодам, они встречают препятствия».

3 августа 1906 г. «Таракки» обвиняла народных «просветителей» — мулл в том, что из-за них многомиллионное мусульманское население «живет в темноте и

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1396 (Ревизия сенатором К.К. Паленом Туркестанского края). Оп. 1. Д. 8. Л. 67(об).

невежестве, что способствует его разорению и гибели, лишает его счастья как в загробной жизни, так и на этом свете, превращает его в слепых и глухих». Газета писала далее: «Кажется, настала пора, когда нам надо избавить родную нацию от съедения микробами в чалме и чапанах... разоблачать их перед всем миром как микробов, созданных для уничтожения магометанской религии и как мракобесов, которые способствуют невежеству, темноте, ханжеству и несправедливости... являются материальными и моральными разрушителями ислама» [Литвинов 1998: 116].

Профессор П.П. Литвинов пишет: «Нет, видимо, необходимости разьяснять, что мусульманская школа находилась всецело в руках исламского духовенства, выступавшего в роли учителей в ней. Таким образом, критика джадидов, добивавшихся прежде всего истинного просвещения мусульманского населения, приобщения его к современным наукам, была в первую очередь направлена против старого, “кадимистского” мектебного образования. Если не знать всей совокупности обстоятельств, то можно лишь удивляться тому, что правительство закрыло туркестанскую газету “Таракки”, являвшуюся практически его последовательной союзницей в борьбе против “затхлого” консерватизма, схоластики и стагнации старомусульманской школы» [Литвинов 1998: 116].

Если исходить из правительственного отношения к исламу и его образовательным учреждениям в Русском Туркестане, то удивляться нечему. Оно отличалось от общероссийской политики по отношению к мусульманству, основанной на принципах Устава духовных дел иностранных исповеданий¹. Управлению религиозными делами мусульман была посвящена книга шестая документа². Оно сосредоточивалось в четырех так называемых муфтиятах — духовных управлениях, которые ведали всем, в т.ч., понятно, и учреждениями религиозного образования. Однако этот Устав на территории Русского Туркестана не действовал, и, соответственно, власть муфтиятов на мусульман региона не распространялась.

Были попытки Уфимского муфтията, официально именовавшегося Оренбургским магометанским духовным собранием, распространить свою власть хотя бы на татар Семиреченской области, однако первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман решительно их пресек и в декабре 1879 г. направил личное письмо министру внутренних дел Л.С. Макову, в котором требовал прекратить подобного рода поползновения со стороны муфтиятов, подчиненных МВД, которое было главным соперником военного министерства в борьбе за право управлять Туркестанским краем. Оно, понятно, поддерживало претензии уфимского муфтия на право управлять мусульманскими делами в этом регионе. Однако Маков не стал вступать в конфликт с всеильным фаворитом царя и военного министра Д.А. Милютина и вынужден был 4 марта 1880 г. направить телеграмму, в которой предложил «Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию не входить в будущем в какие-либо официальные сношения... с магометанскими учреждениями Туркестанского края, обращаясь в случае надобности к военным губернаторам и уездным начальникам» [Литвинов 1998: 66].

Таким образом, «первоустроитель», как часто называли Кауфмана в дореволюционной литературе, «спас» от правительственного регулирования как религиозную жизнь туркестанских мусульман, так и их традиционную систему образования. Это полностью соответствовало принципам той политики по отношению к исламу, которые он сформулировал изначально. Смысл ее заключался в том, чтобы предоставить приверженцам религии Пророка в крае полную религиоз-

¹ Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. — *Свод законов Российской империи*. Изд. 1896 г. Т. 11. Ч. 1. СПб, 1900. С. 1-146.

² Там же. С. 105-128.

ную свободу, не вмешиваться в духовную жизнь мусульман, но при этом игнорировать их конфессиональное бытие и не оказывать ему никакой правительственной поддержки. Это, однако, не означало, что мусульманство Русского Туркестана осталось вне правительственного надзора. Напротив, администрация региона, подчиненная военному министерству, осуществляла контроль за деятельностью мусульман, особенно духовенства, с тем чтобы оно не вело среди верующих открытой антиправительственной пропаганды.

Не забывал Кауфман и о мусульманском образовании. Он не препятствовал деятельности традиционных религиозных школ и выступал против «насильственного упразднения туземной враждебной нам школы» [Кауфман 1885: 439]. Кауфман мечтал о том, чтобы «туземная» молодежь сама пришла в учебные заведения русского типа. Он считал, что «только народное образование способно завоевать край духовно; ни оружие, ни законодательство не смогут сделать этого, а школа и только школа может»¹.

Выдающийся российский востоковед академик В.В. Бартольд писал в связи с этим, что Кауфману «казалось, что туземная конфессиональная школа исчезнет сама собою, когда взамен ее правительством были учреждены школы для совместного воспитания русских и туземцев, соответственно духу времени и потребности государства, без всякого конфессионального характера и без посягательства на религиозные убеждения мусульман» [Бартольд 1963: 298].

«Первоустроитель» решительно выступал против миссионерства Русской православной церкви во вверенном ему крае. Он отмечал, что не крест, а школа принесет в Туркестан русскую цивилизацию, указывая: «Мы должны вводить в Туркестанском крае христианскую русскую цивилизацию, но не должны стараться предлагать населению православной веры»². Еще в 1868 г. Кауфман решил «принять за основание воспитания детей не религиозное различие, а одни и те же правила, при помощи которых можно как православных, так и мусульман сделать одинаково полезными гражданами России» [Остроумов 1906: 143].

В 1869 г. он обратился к министру народного просвещения Д.А. Толстому с просьбой прислать в Туркестанский край специалиста по проблемам мусульманской школы, однако получил вежливый отказ. Но Кауфмана это не очень расстроило, и в 1870 г. он образовал специальную комиссию по разработке проекта организации системы образования в крае во главе с делопроизводителем особого отделения канцелярии туркестанского генерал-губернатора М.И. Бродовским. В состав комиссии входили также чиновник особых поручений при генерал-губернаторе А.Л. Кун, ротмистр М.А. Терентьев, участник присоединения Средней Азии к России и будущий автор трехтомной «Истории завоевания Средней Азии» (СПб, 1906) и др. Проект должен был предусматривать работу учреждений образования как русского, так и «туземного» населения.

В том же году был издан царский указ о мерах помощи образованию российских «инородцев»³. Но комиссию Кауфмана он не заинтересовал, поскольку документ только освобождал мусульман и прочих «иноверцев» (нехристиан) от изучения в российских учебных заведениях всех типов — от сельских школ до гимназий — Закона Божия, «чтения» из церковных книг, изучения церковно-славянского языка и т.п. Понятно, что для Русского Туркестана он был абсолютно неактуален.

Комиссия Бродовского разработала проект организации системы образования

¹ *Туркестанские ведомости*. 1908. № 224. 16 окт.

² Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.). Ф. Р-2287 (Личный фонд Савицкого А.П.). Оп. 1. Д. 461. Л. 38.

³ См.: Именной, объявленный Сенату Министром Народного Просвещения — О мерах к образованию населяющих Россию инородцев. 26 марта 1870 года. — *ПСЗРИ-2*. Т. 45. Отд. 1. СПб. 1874. С. 159-160.

в крае в 1871 г. и представила его «первоустроителю», но он счел его несовершенно и отправил на доработку. В 1873 г. она закончилась, и Кауфман отправил «План устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае» в правительство, с тем чтобы он был утвержден законодательным образом. Одновременно он направил в высшие инстанции проект «Положения об управлении Туркестанским краем», который, как и проект 1867 г., снова был отвергнут правительством. Министр народного просвещения Д.А. Толстой тоже забраковал «План» Кауфмана. Но последний и на этот раз не был обескуражен. Проект «Туркестанского положения» он положил под сукно до лучших времен, а «План устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае» был доработан в соответствии с замечаниями Министерства народного просвещения и отправлен Д.А. Толстому. Тот в начале 1875 г. направил соответствующее представление своего ведомства на рассмотрение Государственному совету, который выразил положительное «мнение» по этому поводу, утвержденное императором Александром II¹.

В пункте 1(а) документа указывалось: «Учредить в Туркестанском крае, в ведении Министерства народного просвещения, управление по учебной части по примеру подобных же учреждений в Сибири, с определением при Генерал-губернаторе Инспектора училищ»². Пункт 3 гласил: «Ведению управления по учебной части подчинить все существующие уже в Туркестанском крае русские и инородческие училища, причем на будущее время допускать учреждение инородческих училищ не иначе, как с разрешения помянутого управления»³.

Одновременно был утвержден штат управления учебными заведениями Туркестанского края⁴. Он включал в себя главного инспектора училищ в чине статского советника, секретаря — коллежского асессора, его помощника — титулярного советника. Предполагался наем писцов, но их число не указывалось⁵. Таким образом, в Туркестанском крае появилось свое «министерство народного просвещения». Кауфман поставил перед первым главным инспектором училищ в Туркестанском крае задачу не только надзирать за мусульманскими учебными заведениями (мектебами и медресе), но и привлекать детей из «туземцев» для обучения в русских школах.

Идея приживалась с трудом, и не без применения принципа материальной заинтересованности. Так, сам Кауфман нанял на личные средства (10 руб.) мусульманского мальчика Шахимардана Ишаева с условием, чтобы тот исправно учился в русской школе. Мальчик оказался послушным и ответственным. Он получил среднее образование и стал чиновником — работал, в частности, переводчиком в российском консульстве в Джидде. В Чимкенте для посещения русской школы наняли даже двух девочек-мусульманок, получавших за это по 4 руб. каждая. К началу 1880-х гг. только в Ташкентском русском трехклассном училище получили образование 3 мальчика-мусульманина и 1 девочка-мусульманка.

Было бы, однако, ошибочным полагать, что дети мусульман шли учиться в русские школы только за «стипендию». Среди исламитов Туркестанского края были люди, которые сами отправляли своих детей в русские школы и открывали такие школы для мусульманского юношества. Так, например, известный исламский

¹ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Министром Народного Просвещения — Об учреждении управления по Учебной части в Туркестанском крае и двух Прогимназий в городах Ташкенте и Верном. 17 мая 1875 года. — *ПСЗРИ-2*. Т. 50. Отд. 1. СПб. 1877. С. 508.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Штат управления учебными заведениями Туркестанского края. — *ПСЗРИ-2*. Т. 50. Отд. 3. СПб. 1877. № 54713. С. 206.

⁵ Там же.

деятель Средней Азии самаркандский казий Камаль-эд-дин направил начальнику Зеравшанского округа генерал-майору А.К. Абрамову 60 руб. серебром на постройку русской школы для «туземцев»¹. Более того, когда в октябре 1870 г. в Ташкенте было открыто русское училище, то Камаль-эд-дин послал в него своего сына, стипендию которому выделил сам Кауфман. Тем самым казий нажил себе много врагов среди мусульманского духовенства и простых верующих. Сообщая об этом факте, газета «Туркестанские ведомости» писала, отражая официальную доктрину Кауфмана: «Не ломая насильственно ничего туземного, спокойно сознавая свое превосходство, русская цивилизация будет подвигаться исподволь, шаг за шагом, как продвигалась она когда-то к северу и северо-востоку, сливая финские и татарские народцы в один разноязычный, но сильный общим народным чувством русский народ»².

В марте 1871 г. видный мусульманский деятель, богатый купец Сеид Азимбай, давний сторонник прорусской «партии» в Средней Азии, подал генерал-губернатору Кауфману «докладную записку», в которой изложил свой план создания новой мусульманской школы в Русском Туркестане. Он писал, что в этой школе на первом плане должно быть изучение русского языка, после него — шариата, арифметики и ремесел. Он отмечал: «Я желаю сделать из них [учащихся] не ишанов, я приучил их к мысли, что жизнь их должна быть обречена на службу царю нашему и царству его» [Бендриков 1960: 69]. Кауфману понравились соображения Сеида Азимбая, и он передал записку на рассмотрение комиссии Бродовского, о которой мы писали выше.

О ее дальнейшей судьбе позже писал ее член — ротмистр Терентьев. Он указывал, что для реализации идеи купца-мусульманина была образована еще одна комиссия во главе с Терентьевым, включавшая в себя и ряд «почетных туземцев». Она решила создать русскую школу для «туземных» подростков на базе Ишанкульского медресе в Ташкенте. Сеид Азимбай пожертвовал на ее устройство 2 500 руб. серебром. Терентьев отмечал, что вначале дело шло успешно, и сам Кауфман лично ему споспешествовал. Однако потом последовало сильное возмущение делом со стороны ташкентского мусульманского духовенства, а также «почетных туземцев» из комиссии. В итоге полезное начинание сошло на нет³. Однако не везде было так плохо.

Идея «русско-туземного» обучения детей медленно, но пробивала себе дорогу в жизнь. Так, в 1871 г. в Самарканде функционировала так называемая Русская гражданская школа, в которой учительствовал рядовой 9-го Туркестанского линейного батальона Солтанов. Он обучал десятерых детей-мусульман, семерых евреев и трех индусов. В апреле 1871 г. школу посетил сам Кауфман и похвалил постановку в ней образования⁴.

Указанная идея проникла и в кочевую среду, вызвав к ней положительное отношение. В 1871 г. кыргызы 4 волостей Токмакского уезда составили общественный приговор об устройстве у себя школы с русским языком, отчисляя на ее содержание по 10 коп. с каждой кибитки. В марте 1871 г. газета «Туркестанские ведомости» писала о том, что и в других волостях Токмакского уезда составляются подобные кыргызские приговоры⁵. Однако в других местах Семиреченской области кыргызы не восприняли данную идею.

В 1875 г. Сеид Азимбай решил повторить попытку создания «русско-туземной» школы при Ишанкульском медресе. Кауфман снова энергично поддержал ее и

¹ *Туркестанские ведомости*. 1870. № 9. 30 авг.

² *Туркестанские ведомости*. 1871. № 5. 22 февр.

³ Терентьев М.А. 1875. Туркестан и туркестанцы. — *Вестник Европы*. Т. 55. С. 523.

⁴ *Туркестанские ведомости*. 1871. № 15. 10 мая.

⁵ *Туркестанские ведомости*. 1871. № 9. 22 марта.

отдал распоряжение военному губернатору Сырдарьинской области генерал-лейтенанту Н.Н. Головачеву оказать купцу всяческое содействие в его мероприятии. Краевая канцелярия уведомляла последнего о том, что для преподавания в этой школе пригласили выпускников факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета и некоторые уже дали согласие приехать в Ташкент¹. Однако и на этот раз попытка передового мусульманина не удалась из-за сильного сопротивления исламского духовенства, угрожавшего волнениями среди населения. В такой обстановке власти не решились, образно говоря, играть с огнем.

Что было причиной столь острого неприятия рассматриваемой идеи со стороны консервативного исламского духовенства и фанатичных мусульман Русского Туркестана? Авторы «Кембриджской истории ислама» писали о том, что «русско-туземные школы не достигли того результата, на который рассчитывали русские власти. Очень немногие местные жители посылали детей в них, опасаясь, что там их обратят в христианство»². Безусловно, такие опасения в среде регионального мусульманства существовали. Однако вряд ли они были определяющими в отторжении мусульманами «русско-туземной» школы.

Мы полагаем, что любое образование должно иметь практический смысл. Абсолютное большинство мусульман Туркестанского края не видело его в приобщении своих детей к русскому языку и новым формам обучения в школе. В рассматриваемый период в Русском Туркестане в мусульманской среде еще не было движения за «новометодное» обучение. Мусульмане держались за свою традиционную школу потому, что она была рефлексией их многовекового незыблемого в своей основе быта, от которого они не собирались отказываться.

Те из них, кто выступал за приобщение своих детей к изучению русского языка, не были просто «блаженными» – они понимали, что затхлый мир Средней Азии подспудно готов к прогрессу. Они хотели, чтобы их дети стали в новом Туркестане чиновниками и предпринимателями, для чего им было нужно знание русского языка. Тот же Сеид Азимбай еще до присоединения к России имел значительные торговые обороты на российских ярмарках Оренбуржья, Поволжья и Западной Сибири. Поэтому ему нужны были приказчики и прочие служители со знанием русского языка. Только углубление связи Средней Азии с российскими рынками могло вызвать прилив интереса к русскому языку и новым формам обучения. Но все это проявилось позже.

Поэтому, подводя итог изложенному выше, мы можем констатировать, что в первоначальный (кауфмановский) период управления Русским Туркестаном в 1867–1881 гг. отношения между царской властью и мусульманской школой были в целом позитивными, без серьезных конфликтов. Власть не желала обострять отношения с исламским духовенством, которое было «душой» традиционной системы мусульманского образования. Вместе с тем она поощряла ростки стремления передовой части мусульманства региона к формированию новой профессиональной школы, более соответствующей потребностям прогрессивного развития как Русского Туркестана, так и всей Средней Азии. Неудачи на этом поприще носили объективный характер, но они уже не могли преломить обнаружившую себя тенденцию, проявившуюся в значительной мере в послемауфмановский период развития региона.

¹ ЦГА Узб. Ф. 17 (Сырдарьинское областное правление). Оп. 1. Д. 9827. Л. 1-1(об).

² *The Cambridge History of Islam*. Vol. I. *The Central Islamic lands*. Cambridge University Press. 1970. P. 518.

Список литературы

- Абдакимов А. 1994. *История Казахстана (с древнейших времен до наших дней)*. Алматы: РИК. 235 с.
- Бартольд В.В. 1963. История культурной жизни Туркестана. — *Сочинения*. В 9 т. М. Т. II. Ч. 1. С. 169-433.
- Бендриков К.Е. 1960. *Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924)*. М.: Изд-во АПН РСФСР. 512 с.
- Кауфман. 1885. *Проект Всеподданнейшего отчета*. СПб. 503 с.
- Литвинов П.П. 1998. *Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (По архивным материалам)*. Елец: ЕГПИ. 320 с.
- Нормухамедова М. 2008. Взаимосвязь секуляризма с исламской культурой и образованием в Узбекистане. — *Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?* Материалы международного «круглого стола». г. Алматы, 30 ноября 2007 г. Алматы: КИСИ при Президенте РК. С. 259-280.
- Остроумов Н.П. 1906. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае. — *Журнал Министерства народного просвещения*. Февраль.
- Эркинов А. 2003. Андижанское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи. — *Вестник Евразии*. № 1(20). С. 111-137.
- Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay C. 1967. *Islam in the Soviet Union*. London: Pall Mall Press. 272 p.
- Sokol E.D. 1954. *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore: The Johns Hopkins Press. 208 p.

VOLKOV Ivan Vasil'evich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, *Scientific Secretary of the Society for Studying Domestic Special Services History (Moscow, Russia; ivolga54@gmail.com)*

AUTHORITY AND MUSLIM SCHOOL IN RUSSIAN TURKESTAN (1867–1881)

Abstract. *The paper is devoted to problems of the attitude of imperial authority to traditional Muslim school in Russian Turkestan during management of general-governor K.P. Kaufman. The author marks, that Kaufman did not hinder its activities, but tried to involve the younger generation of natives of the region in the Russian forms of education. The process was slow, difficult, but not hopeless.*

Keywords: *Central Asia, general-governor Kaufman, Russian Turkestan, traditional Muslim school, military-popular regime*